УДК 63.4

В. Р. Истягин

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг. (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В предлагаемом исследовании рассматривается сложный комплекс разнообразных проблем, связанных с системной характеристикой одного из региональных вариантов переселенческой политики, осуществлявшейся советским руководством на рубеже 20–30-х гг. XX столетия. Указанные процессы рассматриваются как составная часть радикальной модернизации сельскохозяйственного производства, изменившей сложившуюся систему экономических и социальных отношений. Привлеченные неопубликованные источники позволяют сформировать адекватное представление о реальном характере и объективной динамике организованных миграционных процессов, развивающихся в рамках правительственного курса на сплошную коллективизацию.

Ключевые слова: коллективизация, переселение, сельское хозяйство, регион, партия, правительство.

V. R. Istiagin

ON REASONS AND MAIN DIRECTIONS OF STATE MIGRATION POLICY IN THE END 1920 – BEGININF 1930s (BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN NORTH CAUCASUS REGIONS)

The article studies a complex set of different problems related to the systemic characteristic of regional migration policy undertaken by the Soviet leadership at the turn of the 20s – 30s XX century. These processes are considered to be a part of drastic modernization of agricultural production which changed the existing system of economic and social relations. The reference to unpublished sources can form an adequate idea of the real nature and the objective dynamics of organized migration processes which developed within the framework of the government's policy into total collectivization.

Key words: collectivization, resettlement, agriculture, region, party, government.

Организацией переселения населения в период коллективизации занимался созданный в 1925 г. Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР (ВПК), в компетенцию которого входили разработка и принятие нормативно-правовой базы, определение контингентов переселяемых, районы «выхода» и территории вселения переселенцев и кочевого населения, организация вербовки потенциальных сельхозпереселенцев и утверждение ежегодных планов железнодорожных перевозок, планы вселения и материального устройства вселяемых [3, л. 22–23]. В своей непосредственной деятельности Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР тесно сотрудничал с ЦИК СССР, СНК СССР, общесоюзными наркоматами, партийным руководством союзных республик, краев и областей, краевыми и областными исполнительными комитетами Советов, штабом РККА и полномочными представительствами ОГПУ регионов. Непосредственно на местах при краевых и областных Советах как высших органах местной исполнительной власти работали соответствующие Переселенческие комитеты, являвшиеся полномочными региональными представительствами Всесоюзного переселенческого комитета.

Так приемом, размещением и хозяйственным обустройством переселенцев в русских регионах Северного Кавказа занимался Переселенческий комитет при президиуме Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Крайпереселенком). На местах работали районные переселенческие комитеты во главе с уполномоченными Крайпереселенкома. Также ответственность за устройство переселенцев возлагалась и на председателей местных колхозов, директоров МТС, председателей сельских советов и секретарей сельских райкомов партии.

В советской историографии причины массового переселения связывались с экономическими, демографическими и социально-политическими факторами. Так, Н. И. Платунов увязывал причины переселения с нехваткой механизаторских кадров в кубанские колхозах и МТС и сокращением численности сельского населения за годы первой пятилетки ввиду его оттока в города. Имелись в станицах свободные дома классовых врагов: выселенных кулаков, бежавших за границу помещиков и белоказаков. В этих условиях усилилась антисоветская активность и влияние на трудящееся казачество кубанских станиц «кулачества и различных религиозных сект». Особое красноармейское переселение, то есть переселение в станицы и сёла демобилизованных из армии красноармейцев, в этой связи было призвано решить проблему восполнения механизаторских кадров, укрепить партийно-комсомольский актив колхозов и пресечь саботаж «прокулацки настроенных элементов» [9, с. 208]. О причинах сокращения численности в начале 1930-х гг. населения кубанских и донских станиц в советской исторической науке писать было не принято, да и опасно.

Ситуация в историографии с определением реальных причин переселенческой политики изменилась в 1990–2000-е гг., когда исследовательский интерес сосредоточился на ранее замалчиваемых темах: голод 1932–1933 гг., обстоятельства, масштабы и последствия раскулачивания крестьянско-казачьей массы, репрессивная политика советской власти в деревне и т. д. В начале 1990-х гг. были опубликованы основанные на изучении рассекреченных архивных документов работы Е. Н. Осколкова о хлебозаготовках и голоде 1932–1933 гг. и о кампании по депортации населения «чернодосочных» станиц [4, с. 47–51; 7; 8, с. 3–23]. В этой связи стали понятны причины резкого сокращения численности населения и появления множества пустующих домов в кубанских станицах. Переселение на Кубань должно было восполнить значительные потери населения в результате массовой депортации казачьего населения «чернодосочных» станиц в декабре 1932 – январе 1933 гг. и сильнейшего голода 1932–1933 гг. Переселенцам предстояло организовать сельскохозяйственное производство в рамках колхозно-совхозной системы в крупнейшем зерновом районе. По подсчетам Е. Н. Осколкова, к середине января 1933 г. в ходе хлебозаготовок из станиц Полтавской, Медведовской и Урупской в северные районы было выслано 45,6 тысяч человек, еще 6 тысяч человек были высланы из станицы Уманской. Из станиц Ново-Рождественской, Платнировской, Бейсугской и Пластуновской были высланы не менее 10 тысяч жителей. Из кубанских «чернодосочных» станиц по далеко не полным данным было выслано по меньшей мере 61,6 тысяч человек [8, с. 18].

Станицы и сёла Северо-Кавказского края и особенно кубанские станицы опустели и в результате политики «раскулачивания», проводимой властью на основании решения ЦК ВКП(б) от 30 января и совместного постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по ускорению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». В 1931 г. по Северо-Кавказскому краю было выселено 120 356 человек (20 809 семей) [2, с. 50]. По данным ОГПУ за 1930–1931 гг. было арестовано и выслано из Северо-Кавказского края 179 000 кулаков и середняков [16, с. 60]. Более 20 000 кулацких хозяйств расселили в пределах края [1, с. 25].

Серьезно опустошил кубанские станицы массовый голод 1932–1933 гг. Е. Н. Осколков установил, что с июля 1932 г. и до конца 1933 г., т. е. в период массового голода, избыточная смертность в Северо-Кавказском крае составила более 350 000 человек. «Можно предположить, – заключил Е. Н. Осколков, – что большинство из них скончались от голода или связанных с ним болезней» [8, с. 3].

С его позицией солидарен В. В. Кондрашин, оценивший общие людские потери от голода, репрессий и депортации населения «чернодосочных» станиц только в результате одной хлебозаготовительной кампании 1932 г. в 620 000 человек [6, с. 191]. Н. А Ивницкий считает, что зимой 1932–1933 гг. из 75 районов края голодало население 48 зерновых. В их числе были 20 кубанских, 14 донских, 13 ставропольских и один адыгейский район. Он привел данные Е. Н. Осколкова о значительной смертности населения Северного Кавказа в 1932 и 1933 гг., однако признал: «…к сожалению, мы не располагаем прямыми сведениями о числе умерших от голода в 1932–1933 гг.» [5, с. 212–213]. Но на основании анализа косвенных свидетельств о массовых фактах голодных смертей он установил, что «от голода в Северо-Кавказском крае погибли около одного миллиона человек» [5, с. 224].

Таким образом, в начале 1930-х гг. на территории Северо-Кавказского края произошли значительные демографические потери, явившиеся результатом осуществления политики власти по преобразованию сельскохозяйственного производства южнороссийской деревни на коллективистской основе. Единственным выходом из надвигавшегося хозяйственного кризиса стало массовое заселение опустевших станиц и хуторов населением из других регионов.

Современный географ и историк П. М. Полян отметил, что переселение осуществлялось на территории, особенно пострадавшие от голода 1932–1933 гг. и раскулачивания, где попросту не хватало рабочих рук. К таким регионам относились Украина, Северный Кавказ, главным образом Кубань, и Поволжье. Естественный прирост населения в этих регионах был «феноменально отрицательным» среди городского и сельского населения, а недород населения по Северному Кавказу составил 278 000 человек [10, с. 79]. А. П. Скорик и В. А. Бондарев также отмечали, что переселенцы направлялись на Кубань «для оптимизации хозяйственной и социальной жизни» и восполнения рабочих рук вместо депортированного населения «чернодосочных» станиц [13, с. 10–13] и бежавших от голодной смерти и репрессий кубанских хлеборобов [12, с. 63]. О переселении красноармейцев в 1930-е гг. на Кубань как о компенсационных миграциях пишет В. Н. Ракачёв [11, с. 60–64].

Таким образом, государственная переселенческая политика в русскоязычных районах Северного Кавказа была призвана компенсировать значительные потери сельского населения и обеспечить развитие сельского хозяйства в этом важном аграрном регионе страны, а значит, бесперебойные поставки продовольствия из коллективизированной деревни Юга России.

Задачи и направления переселенческой политики в начале 1930-х гг. были разработаны в принятом в 1933 г. совместном постановлении ЦИК и СНК СССР о переселении, гласившем, что переселение является основным мероприятием по развитию производительных сил малозаселенных плодородных районов, повышению материального и культурного уровня трудящихся и превращению их в «сознательных и активных строителей зажиточной жизни и бесклассового общества» [3, л. 22]. Массовое переселение было призвано способствовать развитию промышленности, организационно-хозяйственному укреплению созданных колхозов и хозяйственному освоению окраин страны. В соответствии с поставленными задачами были определены конкретные направления переселенческой политики:

1) промышленное переселение, заключавшееся в обеспечении рабочей силой промышленных, транспортных, сельскохозяйственных государственных предприятий и строительных объектов;

2) промысловое переселение, задача которого состояла в развитии промыслов по добыче и обработке сырья, организации промыслово-кооперативных артелей с целью обеспечения культурно-бытовых и хозяйственных нужд;

3) сельскохозяйственное переселение, в результате которого предстояло освоить малозаселенные плодородные территории для развития на них колхозного производства с использованием естественных и климатических условий;

4) перевод кочевых народов на оседлое хозяйство с учетом их производственных и бытовых навыков и повышения «культурного, бытового и материального уровня кочевых народностей» [Там же].

Таким образом, осуществлявшаяся государственная переселенческая политика

должна была решить важнейшие экономические задачи: обеспечить кадрами развернувшееся в стране масштабное индустриальное строительство, привлечь рабочие руки на стройки «первенцев пятилеток»; наладить регулярное снабжение сырьем перерабатывающую промышленность; провести хозяйственное освоение окраин страны и наладить сельскохозяйственное колхозное производство. Наряду с практическими задачами, обусловленными осуществлением индустриализации и коллективизации, переселенческая политика решала также проблему национального и хозяйственного устройства кочевых народов. Таковы были официально декларируемые цели и направления переселенческой политики.

Высшее руководство страны не скрывало, что на смену выселяемым «саботажникам» хлебозаготовок должны прийти лояльные власти колхозники, каковыми предстояло стать переселенцам-красноармейцам. К середине 1930-х гг. власть уже получила определенный опыт создания красноармейских колхозов, в частности, такие колхозы существовали на Дальнем Востоке. Подобные колхозы начали создаваться и в Северо-Кавказском крае задолго до раскулачивания и массового голода. Переселение демобилизованных красноармейцев и их семей из северных областей страны и Белоруссии на Кубань осуществлялось с середины 1920-х гг., что было вызвано необходимостью создания коллективных форм хозяйствования, так как коренное казачье население отнюдь не стремилось вливаться в колхозное строительство. Так, в 1929 г. был издан ряд постановлений ВЦИК и СНК РСФСР о льготах лицам рядового и начальствующего состава РККА, переселяющимся в Северо-Кавказский край. В частности, в циркуляре «О содействии демобилизованным красноармейцам» отмечалось: «...ввиду происходящей демобилизации Красной Армии и Народный комиссариат социального обеспечения, и Центральный комитет крестьян общественной взаимопомощи предлагает демобилизованным оказывать правовую материальную и трудовую помощь в первую очередь» [15]. Массовый опустошительный голод, бегство крестьян из голодавшей деревни, раскулачивание и выселение кулаков, повлекшие за собой значительную убыль населения, а также очевидная слабость созданных колхозов и совхозов в деле выполнения показателей сбора по хлебозаготовкам предопределили необходимость еще большего вовлечении армии в сельскохозяйственное производство.

14 декабря 1932 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», в котором предлагалось в целях «разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов… выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской Северного Кавказа как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников, и заселить эту станицу добросовестными колхозниками – красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли в озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых». Ответственность за проведение этого решения была возложена на Ягоду, Гамарника, Шеболдаева и Евдокимова [17, с. 697]. Очевидно, в дальнейшем это постановление решено было применить к другим «чернодосочным» станицам и также заселить их красноармейцами.

Так, в 1933 г., по данным Политуправления РККА, в пограничных районах СССР имелось 113 красноармейских колхозов, из них 13 (523 семьи) – в Северо-Кавказском крае. Наряду с созданием колхозов армия участвовала в оказании шефской помощи колхозам и совхозам, и проделанные войсковыми частями объемы работ были внушительны. На расширенном заседании РВС СССР в ноябре 1933 г. помощник командующего войсками СКВО В. М. Примаков сообщил, что если в 1932 г. войска округа на совхозных полях выработали 1 300 тысяч трудодней, то в 1933 г. они выработали уже 2 520 тысяч трудодней [14, с. 242–243]. Коснувшись вопроса о начавшемся заселении кубанских станиц, он отметил необходимость заселения и Дона, где в ряде станиц, в частности в Гундоровской, Калитвенской, Усть-Белокалитвенской, имелись по 150–200 пустующих усадеб, имеющих до 70 % исправных и годных для жилья домов. В. М. Примаков полагал, что «заселение Дона, способного

вместить десятки тысяч красноармейских семей, сразу облегчит работу войск округа, потому что изменится лицо Донской и Кубанской станицы, и в условиях классовой борьбы, которая там проходит с большим напряжением, мы будем иметь огромную поддержку многих тысяч красноармейских семейств». Этот вопрос докладчик считал актуальным и полагал нужным «поставить его со всей силой» для рассмотрения в срочном порядке [14, с. 244]. Впрочем, массового вселения красноармейцев в донские станицы не проводилось, но командование СКВО и руководство РККА вполне разделяло идею заселения опустевших казачьих станиц демобилизованными красноармейцами.

Начало массовому заселению в кубанские станицы положило постановление СНК СССР от 28 августа 1933 г. о переселении на Северный Кавказ 14 тысяч семей демобилизованных красноармейцев [15]. Переселялись красноармейцы в одиночку и с семьями.

Переселение носило организованный плановый характер, все его этапы: от вербовки добровольцев и порядка перемещения по железной дороге до приема и размещения в конечных пунктах – регламентировались постановлениями Всесоюзного переселенческого комитета и инструкциями Крайпереселенкома. Механизм вербовки потенциальных переселенцев и порядок организации переселения был подробно прописан в разработанной Крайпереселенкомом в 1933 г. «Инструкции по вербовке колхозников в качестве переселенцев на Северный Кавказ». Так, вербовщикам предписывалось производить агитацию исключительно среди колхозников и членов сельскохозяйственных коммун. Вербовщикам надлежало «хорошо [и] толково» разъяснить потенциальным переселенцам причины переселения на Северный Кавказ: наличие больших земельных площадей, значительная обеспеченность землей трудоспособных колхозников, исключительное плодородие местных почв и т. д. Вербовщики должны были предоставить вербуемым общую информацию о той местности, куда они их зазывали, о географических и климатических условиях, о состоянии и урожайности почв, культивируемых культурах и применяемым для уборки сельскохозяйственного инвентаря, его наличии в колхозах. Инструкция предписывала вербовщикам сообщать потенциальным переселенцам, что на новом месте для них «подготовлены дома, приведены в порядок дворы, обеспечены водой, при домах имеется усадебная площадь для индивидуального пользования. Дома передаются бесплатно в постоянное пользование на правах собственности». Исходя из необходимости скорейшего вовлечения переселенцев в работу инструкция подчеркивала, что отправка завербованных должна осуществляться железнодорожным транспортом с таким расчетом, чтобы переселенцы сразу по прибытии могли включиться в выполнение весенних посевных работ с начала компании [3, л. 17]. Инструкция требовала, чтобы с убывающими семьями переселенцев колхоз производил полный расчет за исключением неделимого капитала и выдавал из обобществленного стада «скот продуктивный и рабочий». Переселенцы также забирали с собой свое личное имущество и домашний инвентарь. В случае же переселения на новое место всего колхоза, переселенцам следовало забрать с собой все имущество за исключением непригодного и неприменимого на территории Северного Кавказа. Завербованные колхозники со своим имуществом доставлялись до железнодорожной станции за счет средств покидаемого ими колхоза. По железной дороге в вагонах-теплушках они следовали бесплатно. В этом же эшелоне перевозились бесплатно имущество, продовольствие, скот и фураж, причем фуражом переселенцы обеспечивались в пунктах «выхода». По прибытии в села и станицы переселенцев следовало распределить по колхозам и сформировать из них самостоятельные бригады в составе 50–60 трудоспособных человек или влить их в уже существовавшие бригады. В зависимости от количества сформированных бригад могли быть организованы самостоятельные колхозы из переселенцев.

Переселенческие бригады и колхозы обслуживались МТС и политотделами. Для своевременного информирования Крайпереселенкома вербовщики должны были каждые пять дней направлять «письменно спешной почтой» сообщения о количестве завербованных и наличии перевозимого ими имущества. Следовало обязательно указывать количество завербованных целыми колхозами, группами и отдельными семей-

ствами. По мере формирования эшелона вербовщик телеграфом сообщал о времени и станции отправления, а начальнику эшелона не позднее чем за сутки до прибытия на станцию Батайск, – сборный путь эшелонов с переселенцами, – надлежало телеграфировать о времени прибытия [3, л. 18–19]. Таков был порядок организуемого переселения. Призывая к переселению, вербовщики старались «показать товар лицом» и в соответствии с требованиями инструкции подчеркивали выгоды от переселения. При этом не упоминали о совсем недавно перенесенном жителями кубанских станиц сильнейшем голоде, о недовольстве местного населения, о сложностях в организации коллективного хозяйствования и недостаточном снабжении населения. Показательно в этой связи содержащееся в инструкции примечание: «…вербовщик должен разъяснить об организованном выезде, и чтобы выезжающие брали с собой семена и в особенности картофель» [3, л. 19]. Прямо об имевшихся трудностях не упоминалось: у вербуемых должно было сложиться впечатление о кубанских станицах как об исключительно богатом и благодатном крае.

В обнаруженном автором архивном документе содержится красноречивое свидетельство ожиданий краевой власти от прибывших переселенцев. На состоявшемся в феврале 1934 г. краевом партийном совещании представителей переселенческих красноармейских колхозов и бригад по вопросу подготовки к весеннему севу и организационно-хозяйственном укреплении переселенческих колхозов была принята резолюция, определившая направления их деятельности. Согласно ей, переселившиеся в колхозы края демобилизованные красноармейцы были обязаны сохранить и внедрить в колхозное производство «славные красноармейские традиции – стальную дисциплину и высокую организованность». Красноармейские колхозы и бригады должны были являться «образцом и показателем» для остальных хозяйств в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов, повышения производительности труда и укрепления «высокой трудовой дисциплины» [3, л. 10]. В этой связи колхозников-переселенцев призывали заблаговременно подготовиться к сверхраннему севу и наглядно продемонстрировать свое преимущество в деле борьбы за качество сева, обработки полей и добиться урожайности зерновых культур не менее 12 центнеров с гектара и кукурузы не менее 20 центнеров с гектара. Красноармейские колхозы и бригады обязали развивать борьбу за полную выработку норм сельскохозяйственных работ, стопроцентный выход трудоспособных колхозников на работу и обеспечение в течение 1934 г. выработки каждым колхозников в среднем 300 трудодней. Более того, красноармейские колхозы и бригады в целом и каждый переселенец должны были «широко развернуть соцсоревнование и ударничество» в деле проведения весеннего сева и втянуть в соцсоревнование старые колхозные колхозы и бригады [3, л. 11–14]. Руководство края вместо высланных «саботажников» надеялось получить в лице переселенцев безупречных работников, которые смогли бы организовать эффективное сельскохозяйственное производство не только в своих хозяйствах, но и вовлечь в работу другие колхозы.

Таким образом, осуществлявшаяся властью в середине 1930-х гг. переселенческая политика преследовала ряд тесно переплетенных между собой целей. Социально-демографические: вместо высланных кулаков, депортированных жителей «чернодосочных» станиц и умерших от голода жителей восполнить значительные демографические потери населения. Переселение на Кубань молодых красноармейцев с семьями должно было привести к изменению социального состава населения: вместо казаков-кулаков и саботажников кубанские станицы населялись верными власти красноармейцами-переселенцами из бедноты, выходцами из других регионов страны. Социально-экономические: переселение имело сельскохозяйственный характер – новые жители должны были добросовестно работать в колхозах, совхозах, МТС, поднимать сельское хозяйство, производить нужный государству хлеб, завершать сплошную коллективизацию. Социально-политические: переселение было призвано укрепить в политическом плане колхозно-совхозную систему, так как переселенцы, среди которых было достаточно коммунистов и комсомольцев, рассматривались как надежная опора советской власти в казачьих станицах. Переселение вело к слому «кулацкого саботажа» и должно было устранить социальную напряженность между казачеством и крестьянством и властью.

Литература

1. Бондарев В. А., Левакин А. С. «Раскулачивание» как ведущее направление репрессивной политики советского государства в деревне в 1930-х гг. (на материалах Юга России) // Былые годы. 2012. № 4 (26). С. 24–30.
2. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено…». М.: Гриф и К, 2012. 510 с.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 4.
4. Доклад Е. Н. Осколкова о голоде 1932–1933 гг. за «круглым столом» на тему «Коллективизация: истоки, сущность, последствия» // История СССР. 1989. № 3. С. 47–51.
5. Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 145 с.
6. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОСПЭН, 2008. 519 с.
7. Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-н/Д: РГУ, 1991.
8. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 3–23.
9. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: ТГУ, 1976. 383 с.
10. Полян П. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
11. Ракачёв В. Н. Компенсационные миграции 1930-х гг. на Кубани и Ставрополье // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2. С. 60–64.
12. Скорик А. П. Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932-1933 г.: материалы научно-практической конференции / под ред. Н. И. Бондаря, О. В. Матвеева. Краснодар: Традиция, 2009. С. 57–66.
13. Скорик А. П., Бондарев В. А. Государственное регулирование «перегибов» коллективизации: казаки и красноармейцы-переселенцы на Кубани (1930-е годы) // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тезисы региональной научно-практической конференции, г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 10–13.
14. Тархова Н. С. Красная Армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М.: РОСПЭН, 2010. 375 с.
15. Федина И. М. Красноармейцы-переселенцы как культуртрегеры в кубанских станицах 1930-х годов URL: http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=1135 (Дата обращения: 29.12.2014).
16. Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения…». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 170 с.
17. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. М.: РОСПЭН, 2005. 702 с.

References

1. Bondarev V. A., Levakin A. S. «Raskulachivanie» kak vedushchee napravlenie repressivnoi politiki sovetskogo gosudarstva v derevne v 1930 gg. (na materialakh Yuga Rossii) («Dekulakization» as the main direction of Soviet repressive policies in the village in the 1930s. (a case study of South Russia) // Bylye gody. 2012. No. 4 (26). P. 24–30.
2. Bugai N. F. L. Beriya – I. Stalinu: «Posle Vashikh ukazanii provedeno…». (From Beriya to I. Stalin: «Following your instructions carried out ...»). M.: Grif i K, 2012. 510 p.
3. State archive of Rostov region. F. R-2608. Op. 1. D. 4.
4. Doklad E. N. Oskolkova o golode 1932–1933 gg. za «kruglym stolom» na temu «Kollektivizatsiya: istoki, sushchnost', posledstviya» (E. Oskolkov's report about the famine of 1932–1933 on the «roundtable discussion» on a topic «Collectivization: the origins, contents, consequences») // Istoriya SSSR. 1989. No. 3. P. 47–51.
5. Ivnitskii N. A. Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural. (Famine in 1932–1933 in the Soviet Union: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, Central Black Earth region, Western Siberia, the Urals). M.: Sobranie, 2009. 145 p.
6. Kondrashin V. V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiiskoi derevni. (Famine in 1932–1933: the tragedy of the Russian village). M.: ROSPEN, 2008. 519 p.
7. Oskolkov E. N. Golod 1932/1933. Khlebozagotovki i golod 1932/1933 goda v Severo-Kavkazskom krae. (Famine 1932/1933. Grain reserves and famine years 1932/1933 in the North Caucasus). Rostov-on-Don: RSU Publ., 1991.
8. Oskolkov E. N. Tragediya «chernodosochnykh» stanits: dokumenty i fakty (The tragedy «chernodosochnyh» Cossak villages: documents and facts) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 1993. No. 1–2. P. 3–23.
9. Platunov N. I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.). (Soviet immigration policy and its implementation in the USSR (1917 – June 1941). Tomsk: TSU Publ., 1976. 383 p.

10. Polyan P. Ne po svoei vole… Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR. (Against one's own free will… History and geography of forced migrations in the USSR). M.: OGI-Memorial, 2001. 328 p.
11. Rakachev V. N. Kompensatsionnye migratsii 1930-kh gg. na Kubani i Stavropol'e (Compensatory migration of 1930 in Kuban and Stavropol) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. No. 2. P. 60–64.
12. Skorik A. P. Deportatsiya naseleniya «chernodosochnykh» stanits kak antikazach'ya aktsiya: prichiny i posledstviya (The deportation of the population «chernodosochnyh» Cossak villages as action against Cossaks: causes and consequences) // Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 g. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Population of the South Russia historical memory of the famine of 1932–1933. Materials of the scientific conference) / ed. by N. I. Bondarya, O. V. Matveeva. Krasnodar: Traditsiya, 2009. P. 57–66.
13. Skorik A. P., Bondarev V. A. Gosudarstvennoe regulirovanie «peregibov» kollektivizatsii: kazaki i krasnoarmeitsy-pereselentsy na Kubani (1930-e gody) (State regulation of the «excesses» of collectivization: Cossacks and Red Army Men-settlers in the Kuban (1930) // Kazachestvo Yuga Rossii v protsessakh stanovleniya i razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti: tezisy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Uryupinsk, 26–29 aprelya 2007 g. (Cossacks of South Russia in the process of establishment and development of Russian stateness: the theses of the regional scientific conference (Uryupinsk, 26–29 april 2007). Volgograd: VolSU Publ., 2007. P. 10–13.
14. Tarkhova N. S. Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. 1928–1933 gg. (The Red Army and Stalin's collectivization. 1928–1933). M.: ROSPEN, 2010. 375 p.
15. Fedina I. M. Krasnoarmeitsy-pereselentsy kak kul'turtregery v kubanskikh stanitsakh 1930-kh godov (Red Army Men-settlers as persons with civilizing mission in the Kuban Cossack villages in 1930-th) URL: http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=1135 (Accessed: 29.12.2014).
16. Khunagov A. S. «Vyselit' bez prava vozvrashcheniya…». Deportatsiya narodov Yuga Rossii. 20–50-e gody (na materialakh Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev). («Evict, without the right of return …». The deportation of the peoples of the South Russia. 20–50-th (a case study of Krasnodar and Stavropol Territories). Maikop: Meoty, 1999. 170 p.
17. TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros. (RCP (b) – VKP (b) and the National Question). Vol. 1. 1918–1933 gg. M.: ROSPEN, 2005. 702 p.